

УДК 394

DOI: 10.34670/AR.2020.41.58.026

О специфике национальной идентичности тайваньцев**Ишутина Юлия Александровна**Кандидат культурологии, доцент,
доцент кафедры китаеведенияВосточный Институт - Школа региональных и международных исследований
Дальневосточный федеральный университет,
690091, Российская Федерация, Владивосток, ул. Суханова, 8;
e-mail: ishutina.yua@dvfu.ru**Аннотация**

Статья посвящена исследованию специфики национальной идентичности тайваньского народа с точки зрения взаимодействия цивилизационных укладов. Интенсивные процессы глобализации и постоянные экзистенциальные риски, которым подвергается национальное сообщество на Тайване, формируют коллективные поведенческие реакции, обуславливающие трансформацию менталитета жителей островной части Китая. Следование нормативным принципам трех цивилизаций (синской, западной и японской), и активное формирование символического пространства Китайской Республики рассматривается нами как способ преодоления кризиса национальной идентичности.

Для цитирования в научных исследованиях

Ишутина Ю.А. О специфике национальной идентичности тайваньцев // Культура и цивилизация. 2020. Том 10. № 5А. С. 188-197. DOI: 10.34670/AR.2020.41.58.026

Ключевые слова

Цивилизационные уклады национальная идентичность, кризисы и травмы идентичности, Большой Китай, Тайвань.

Введение

В последние десятилетия в зарубежной науке популярен цивилизационный подход к изучению различных аспектов глобализации. Нам видится возможным применить указанный подход к исследованию феномена национальной идентичности, возникающей в ходе интенсивных контактов участников национальных сообществ. Особенность изучения этого вопроса состоит в том, что в роли субъектов исторического процесса выступают национальные государства; члены воображаемых сообществ создают систему символов национального самоопределения и таким образом репрезентируют свою национальную идентичность. Коль скоро проверка «жизнеспособности» символов происходит на уровне повседневности, аксиологические аспекты национальной идентичности исследуются в парадигме социальной идентичности, представляющей собой «специфическую систему координат пространства социальных отношений» участников сообщества [Тэшфэл, 1985]. Изучение процессов формирования национальной идентичности на стыке цивилизационных укладов в пространстве нарождающейся глобальной культуры видится нам актуальным, так как позволяет уяснить специфику рефлексий мультикультурного тайваньского общества, располагающегося на условном рубеже сразу нескольких цивилизаций. Современному тайваньскому народу приходится не только решать проблему культурной идентичности в парадигме отношений к китайской, японской, островной (тайваньской) культуре, но и конструировать национальную идентичность в рамках популярных в Большом Китае национальных мифов. Национальная идентичность современного тайваньского народа традиционно формируется в виде ответной реакции на экзистенциальные угрозы существованию извне (со стороны континентального Китая) и рефлексии на кризисы в системных отношениях внутри самого островного сообщества. Пути их преодоления находятся в осознанном создании символического пространства альтернативного Китая.

Проблемам формирования национального сообщества тайваньского народа посвящены фундаментальные работы В.Г. Булова [Булов, 2002], Ю.М. Галеновича [Галенович, 2002], В.В.Малявина [Малявин, 2007], Чэнь Цзявэй [Чэнь Цзявэй, 2017], а также диссертационное исследование Ю.А. Ишутиной [Ишутина, 2006] и некоторых других авторов. Объектом нашего исследования является процесс эволюции национальной идентичности тайваньцев, предметом – коллективные поведенческие реакции, обуславливающие трансформацию менталитета жителей островной части Китая. Цель работы заключается в определении способа преодоления кризиса национальной идентичности.

Основная часть

Цивилизационный подход включает в себя принципы, сформулированные в разное время такими учеными как П. А. Сорокин [Сорокин, 1992], Н.Я. Данилевский [Данилевский, 1992], О. Шпенглер [Шпенглер, 2003], А. Дж. Тойнби [Тойнби, 2003]. На наш взгляд, можно эффективно применять указанный подход в изучении процессов формирования и репрезентации национальной идентичности различных народов в эпоху глобализации, опираясь на следующие основные положения:

- 1) Цивилизация представляет собой пространственно-временную целостность локального социально-исторического объекта;
- 2) При взаимодействии цивилизации с внешней средой возникает проблема идентичности;

- 3) Нормативные принципы локальной цивилизационной структуры значимы для всех входящих в нее более или менее крупных элементов;
- 4) Способ определения внутренней эволюции (судьбы) зависит от специфики цивилизации [Морозов, 2014, 234].

Основополагающие труды, посвященные явлению цивилизации, ее дефинициям, истории вопроса и сравнительному анализу цивилизаций, принадлежат перу М.Вебера [М.Вебер, 1985], Э. Дюркгейма [Дюркгейм, 1971], О.Шпенглера [Шпенглер, 2003], П.Сорокина [Сорокин, 1992], А.Тойнби [Тойнби, 2003], А.Л. Кребера [Кребер, 1999]. Нам импонирует точка зрения американского социолога С.П. Хантингтона, указавшего на то, что «в течение всей истории цивилизации представляли для людей наивысший уровень идентичности» [Хантингтон, 2011, 45]. Исследователь приводит несколько положений, очевидно свидетельствующих о том, что феномен цивилизации в эпоху глобализации претерпевает некоторые изменения:

- 1) Вместо существовавшего ранее в науке представления о цивилизации как «элите человечества» понятие «цивилизации» «утратило свойства ярлыка»; в современной науке «одна из множества цивилизаций может быть нецивилизированной в прежнем смысле этого слова»;
- 2) Цивилизация и культура относятся к образу жизни народа, притом, что цивилизация – это явно выраженная культура. Основные цивилизации отождествляются с великими религиями мира, но не следует ставить знак равенства между цивилизациями и расами;
- 3) Цивилизация является наивысшей культурной ценностью и носит всеобъемлющий характер: ни одна из составляющих не может быть понята без соотнесения с соответствующей цивилизацией;
- 4) Цивилизации являются наиболее стойкими из человеческих ассоциаций, они эволюционируют, динамичны, знают рождения, взлеты, падения и смерть;
- 5) Цивилизации являются культурными единствами, они сами «не делают ничего из того, чем заняты правительства». С. П. Хантингтон полагает, что политическое устройство отличается у разных цивилизаций, одна и та же цивилизация может содержать одно или более политических образований [Хантингтон, 2011, 45-50].

Хантингтон выделяет 7 цивилизаций, обозначив их как синская, японская, индуистская, исламская, православная, западная, латиноамериканская; с ремаркой «возможно» исследователь добавил восьмую – африканскую цивилизацию [Хантингтон, 2011, 57].

Итак, мы имеем дело с китайской (синской) цивилизацией, длительность которой насчитывает более пяти тысяч лет, включая полуполюгендарный период истории ее развития. В ходе эволюции на поверхности синской цивилизации возникали, развивались, правила и исчезали различные политические образования (древние царства, централизованные империи, китайские и некитайские династии, в настоящее время – де-факто существуют две республики). Дискурс национализма (или государственности на более ранних этапах), которого придерживаются различные политические образования, призван узаконить правящий режим при помощи *общей* культуры. Подобные процессы характерны для стран ареала Большого Китая и в период модернизации. Любопытно, что С.П. Хантингтон применяет выражение «несколько Китаев», указывая на стабильную цивилизационную идентичность этих субъектов во времени и пространстве [Хантингтон, 2011, 23].

Развивая мысль Б. Андерсона о том, что национальное (государственное) сообщество представляет собой тип горизонтального товарищества граждан, в котором действует общепринятая система символов, интерпретируемых интеллектуалами группы, мы добавим, что

упомянутая символическая система восходит к символике национальной (культурной) группы, базовой для субъектов цивилизации. Например, президент Сингапура Ли Кван Ю неоднократно заявлял, что именно конфуцианские ценности, положенные в основу функционирования сингапурского общества, стали залогом преуспевания страны, а президент Тайваня Ли Дэньхуэй (1923-2020), (годы правления 1988-2000), называл Тайвань «наследником конфуцианской мысли» [Ли Дэньхуэй, 2000]. За последние 120 лет материковый Китай дважды предпринимал попытки обозначить конфуцианство как причину отсталости и косности китайского менталитета, но в 1980-е гг руководство КНР снова обратилось к тезису «конфуцианство – основа китайской культуры» [Хантингтон, 2011,155]. С. П. Хантингтон указывает на то, что все государственные лидеры на территории Большого Китая (вне зависимости от политической формации) стремятся узаконить свою власть, опираясь на идею китайской культуры, но вырабатывают особый дискурс национализма, специфичный для каждой формации. Дискурс официального национализма Китайской Республики на современном этапе включает понятие общности судьбы тайваньской национальной группы, компактно проживающей на островной территории и обладающей островным же менталитетом. Термин «общность судьбы» используется как применительно к стабильному автономному развитию народов Тайваня, так и относительно его принадлежности к группе океанических наций. Альтернативный путь развития – это осознанный выбор граждан мультикультурного общества Тайваня, идущего по пути глобализации, «рекомендованной» ему Японией. Широта взглядов, смелость и терпеливость тайваньцев представляются как качества нации, сформированные в процессе жизни на океаническом острове в условиях постоянных экзистенциальных рисков, которым положено противостоять решительно, длительно и сообща. Таким образом, мы можем судить о наметившейся трансформации менталитета китайской островной группы, функционирование которой, тем не менее, базируется на конфуцианской культуре и в традициях китайской повседневности.

Кризисы культурной идентичности возникают на стыке ареалов различных цивилизаций, как это можно наблюдать на примере Тайваня, который в силу своего географического положения и исторических факторов находился попеременно под влиянием западной цивилизации в голландское правление на Формозе (1624-1662), японской цивилизации в период японского правления на Тайване (1895-1945) и китайской цивилизации всегда, так как мигранты из материкового Китая прибывали постоянно.

Модернизация экономической и социальной системы является эффективным механизмом формирования национальной идентичности, так как дает сообществу ощущение стабильного и эффективного развития потенциала группы. Тайваньская исследовательница Чэнь Цзявэй считает, что Тайвань представляет собой особый случай модернизации в регионе Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Китайская Республика осуществляет малоизученную модель поставторитарной модернизации: жесткий авторитарный режим, при котором началось форсированное развитие страны, успешно перешел в динамичную фазу демократического развития, сохраняющего некоторые авторитарные черты [Чэнь Цзявэй, 2017,18]. Различие моделей модернизации, к которым прибегли страны западной и синской цивилизации, обусловлено кардинальной разницей между самими этими цивилизациями, проявляющейся, в том числе, различием западной и китайской мысли. Чэнь Цзявэй ссылается на китайского автора Л.Янга, который усматривает это отличие во внимании к «отсутствующей цельности бытия», характерной для китайской цивилизации, а также в том, что «личность-в-обществе» значит больше, чем личность сама по себе. Применяя специфику менталитета к решению практических

задач, две политические формации китайской цивилизации (КНР и КР Тайвань) определяют эволюцию собственной судьбы, выбирая авторитарную или поставторитарную модель модернизации.

Процесс модернизации проходит фазы исторического развития, которые в западной науке принято называть: стадии традиционного общества, предпосылки для взлета, взлет, достижения зрелости, эпоха массового потребления. В политической сфере модернизация проходит стадии «первичного объединения», обеспечивающего контроль государства над территорией и населением, стадию индустриализации, стадию политики государства благосостояния (адаптации политики к интересам широких слоев общества), стадию политики в обществе изобилия.

Обращение к фазам исторической и политической модернизации видится нам актуальным, так как все эти фазы сопровождаются последовательными политическими кризисами, как-то: кризис идентичности, сопутствующий возникновению нации и национального государства; кризис легитимации, связанный с «первичным объединением» (в определении О. Органски); кризис проникновения, характеризующийся включением в политику всего населения; кризис участия в политике, связанный с участием в политике новых групп; кризис интеграции, связанный с появлением политической системы, объединяющей ветви власти и общественные институты; кризис распределения общественных благ [Цит по: Морозов, 2014].

Кризисы сопровождаются ситуациями, которые могут становиться причиной психосоциальной травмы, как у отдельного человека, так и у сообщества в целом. Коль скоро мы имеем дело с самоидентификацией индивида и комплексом его реакций на возникающие социальные, исторические и повседневные ситуации, логично судить, исходя из области психологического анализа идентичности. Немецкий исследователь Франц Рупперт предложил использовать понятие травмы идентичности «как психического поражения, вследствие которого нарушаются и время от времени или в течение длительного срока серьезно ограничиваются процессы воспитания, осознания, мышления, воспоминания и представления» [Рупперт, 2014, 62]. Развивая свою мысль, Ф. Рупперт указывает на то, что действие травмы может оказывать влияние не только на затронутое лицо, но и экстраполироваться на его окружение во времени и пространстве, так как люди в сообществе находятся в состоянии зависимости друг от друга. [Рупперт, 2014, 63]. Пережитое событие передается родителями в ходе воспитания детям, и последствия травмы могут быть ощутимы до четвертого поколения семьи.

Отечественный синолог В.В. Малявин считает возможным применение понятия травмы относительно национальной идентичности, подразумевая под травмой идентичности «особенность общественного сознания на Тайване и (возможно) других бывших западных колониях в ареале Юго-Восточной Азии» [Малявин, 2007, 206]. Такое явление возникает в том, случае, если у человека случаются проблемы с определением тождественности самому себе «в плане его принадлежности к сообществу, маркированному как «национальное» [Кребер, 1999]. Национальные сообщества бывших колоний, представляющие собой креольские национализмы, уже испытали на себе влияние иных цивилизационных укладов, и, будучи в свое время вынужденными адаптироваться к условиям проживания в ситуациях «столкновения цивилизаций», вырабатывают линию рефлексивного поведения, позволяющую сохранить витальность группы. В современном мире под этим подразумевается создание национального государства, которое может обеспечить защиту и стабильное развитие.

В основе идеи о самобытности Тайваня и его принципиальном отличии от других китайских провинций состоит в том, что жители последних одновременно считают себя и китайцами, и

жителями такого-то субъекта КНР, в то время как Тайвань представлен как бывшая колония Голландии, затем Японии, и Китая соответственно. О давности травмы национальной идентичности современных тайваньцев можно судить хотя бы ориентируясь на «день рождения тайваньской нации» 28 февраля 1947 г, памятный день начала белого террора Гоминьдана против местного населения. Ныне эта дата обозначена в календаре как «День национальной памяти и примирения». Очевидно, что травмирующие ситуации возникали и в ходе общения тайваньцев с колонизаторами-представителями японской и западной цивилизаций, тем не менее, островитяне смогли адаптироваться и даже получить цивилизационные выгоды в виде рационализации пространства острова, введения административного правления, строительства железной дороги и организации системы всеобщего образования. Несомненно, процесс формирования тайваньской нации также представлял собой цепь последовательно возникающих травмирующих ситуаций для всех его участников, включающих аборигенное население, ранних переселенцев с восточного побережья континентального Китая, японских подданных и т.д. Однако приток последней (ханьской) группы населения, которая стала завершающим элементом тайваньской нации, послужил катализатором плавильного котла нации. Исход войск Чан Кайши на Тайвань привел к созданию в 1947 г. специфической политической ситуации, форсировавшей процессы сложения тайваньской национальной группы под длительным авторитарным правлением Гоминьдана.

Модернизация Тайваня происходила постепенно в колониальные периоды развития этой страны. Помимо перемен, которые претерпевали системы экономических, политических и социальных отношений тайваньского общества, серьезную предпосылку для формирования национальной идентичности получал антропологический состав группы. Тайваньская идентичность складывалась по протестному типу, когда в первоначальный период прихода новой волны колонизаторов островитяне присягали на верность предыдущей, например Минской династии по воцарению Цин, хотя в минское правление (1368-1644) тайваньское население (в основном пираты) активно противодействовало ему на акватории Тайваньского пролива. Исход армии Чан Кайши на Тайвань не только привел к тектоническому сдвигу в тайваньском обществе, но и вынудил его окончательно встать на путь модернизации. Кризисы идентичности, которые приходится преодолевать тайваньскому народу, сродни кризисам креольских национализмов. Как отмечает Чэнь Цзявэй, проблема национальной идентичности тайваньцев заключается в том, что им приходится выбирать между «принадлежностью к единой нации или утверждению новой» [Чэнь Цзявэй, 2017].

Заключение

Процессы формирования национальной идентичности на Тайване находятся в статусе стабильного развития на фоне включения этого островного государства в процессы глобализации и непрекращающуюся борьбу за признание Китайской Республики как полноправного члена мирового сообщества. Будучи расположенным на стыке цивилизаций, за четыре столетия своего развития, тайваньское общество испытало на себе влияние синской, западной и японской цивилизации. Находясь на фронтире цивилизационных укладов, Тайвань является мультикультурным государством, в основе которого лежат принципы устройства конфуцианского общества. Культурная эклектика Тайваня не несет навязчивого характера, что на современном этапе не порождает видимой проблемы культурной идентичности. Специфика тайваньского общества проявляется в одновременной открытости миру, желанию принадлежать

глобальному сообществу и акцентированию внимания на своей принадлежности к древней (аутентичной) китайской культуре, утверждению ценностей китайской цивилизации, что позволяет тайваньцам сохранить свою самобытность в эпоху глобализации.

Нормативные принципы указанных трех цивилизационных укладов, представленных на острове, усвоены с прагматической точки зрения, что находит отражение в следовании китайской традиции в общественном устройстве, осуществлении обрядов жизненного цикла по лунному календарю и сохранению традиционной письменности. Последняя не была подвергнута процессам упрощения написания, как это было сделано в континентальном Китае в целях реализации политики ликвидации безграмотности в 1954г. В силу островного положения Тайваня долгое время не могла быть применена идея соположения нации в центре мира, однако благодаря политическому таланту ныне покойного президента Ли Дэнхуэя широкое распространение получила мифологема «Новой Центральной равнины», что уравнило шансы китайцев и тайваньцев, претендующих на принадлежность к аутентичной китайской культуре [Ли Дэнхуэй, 2000].

Приверженность пути японской цивилизации обнаруживается не только в последовательном осуществлении модернизации, в свое время воспринятой Тайванем через японский опыт. Тайваньцы демонстрируют склонность к выделению собственной личности и склонности к эстетизму, точно так же как это принято в японской традиции. По мнению А.Н.Мещерякова, основные признаки «особости японцев» можно обнаружить в политическом компоненте (в Японии проживает Небесный император), религиозно-мифологическом (в Японии пребывают синтоистские божества), природно-поэтическом (прекрасный климат и природа), этнографическо-эстетическом компоненте (своеобразная культура и развитое чувство прекрасного) [Мещеряков, 2011]. Современные тайваньцы репрезентируют свою идентичность, подражая зрительному коду японцев, что выражается во внимании к окружающему миру и повышенной эстетизации пространства. На Тайване кроме исконно китайских религий широко представлены местные культы синтоистского толка [Завидовская, 2011]. Политика нынешнего президента КР Цай Инвэнь, направленная на реализацию демократических принципов переходного периода и утверждению прав и свобод человека, формируется, в том числе, и в парадигме цивилизационных укладов Запада, таких как индивидуализм, конкуренция, ценность человеческой жизни, равенство и право, базирующееся на справедливости. Одним из заметных шагов Законодательного Юаня стало разрешение однополых браков в мае 2019г, что свидетельствует о приверженности политики президента Цай курсу на адаптацию ценностей западной культуры [Тайваньская панорама, 2019, www].

Специфика современного этапа формирования национальной идентичности тайваньцев заключается в том, что травмы национальной идентичности возникают как следствие реакции на угрозы самому существованию сообщества извне, кризисов внутренних системных связей социума и преодолеваются путем активного созидания символического пространства Китая альтернативного пути развития. Эволюция национальной идентичности Тайваня на современном этапе происходит в русле поставторитарной модернизации, которая создает благоприятные условия для развития и функционирования всей системы национального сообщества. Стабильное экономическое развитие и небольшая численность населения позволяют правительству Китайской Республики не прибегать к управляемой глобализации, что позволяет этому островному государству быть «оплотом демократии» в Индо-Тихоокеанском регионе и соответствовать ожиданиям свободолюбивых граждан, сплоченных идеей общей судьбы тайваньского государства и нации.

Библиография

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 287с.
2. Буров В.Г. Модернизация тайваньского общества. М.: ИФРАН, 1998. 234с.
3. Вебер М. Социология религии (типы религиозных сообществ) // Бергер Я.М. (ред.) Работы М.Вебера по социологии религии и идеологии. М. ИНИОН РАН, 1985. С. 76-104.
4. Галенович Ю.М. Самоутверждение сыновей Тайваня. М.: Муравей, 2002. 200с.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Спб.: Лань, 2013. 302с.
6. Драгунский Д. Национальная идентичность: инфраструктурно-институциональный подход// Е.В. Алексеева (ред.) Проблемы идентичности в современной России [Текст].М.: Кеннан, 2003. С. 63-68.
7. Завидовская Е. А. Народная религия современного Тайваня: храмовые организации и праздники. Спб.: Наука, 2012. 175 с.
8. Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: Изд.дом ВШЭ, 2004, 226с.
9. Ишутина Ю.А. Формирование и репрезентация национальной идентичности тайваньцев: автореферат дисс.канд.культурологии. Владивосток, ДВГТУ, 2006. 201с.
10. Кребер А.Л. Стиль и цивилизация. М.: Аспект пресс, 1999. С.81-82.
11. Ли Дэнхуэй. Позиция Тайваня. М.: МГУ им. М.В.Ломоносова, 2000. 270с.
12. Малявин В. Уроки тайваньской демократии // Отечественные записки, 2007, № 6 (39). С.197-213.
13. Мещеряков А.Н. История японской культуры. М.: Наталис, 2011. 368с.
14. Морозов Н.М. Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже XX-XXI вв. Кемерово: Практика, 2014. 403с.
15. Рупперт Ф. Травма, связь и семейные расстановки. Понять и исцелить душевные раны. М.: Институт консультирования и семейных отношений, 2014. 264с.
16. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543с.
17. Тайбэй – член всемирной сети радужных городов// Тайваньская панорама [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL <https://taipanorama.tw/> Дата доступа 01.11.2020
18. Тойнби А.Дж. Постижении истории: избранное. М.: Айрис-пресс, 2003. 638с.
19. Хантингтон С.П. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ Астрель, 2011.571с.
20. Чэнь Цзявэй. Демократическая прогрессивная партия Тайваня и поставторитарная модернизация. Спб: Алетейя, 2017. 141с.
21. Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. Т.2 Всемирно-исторические перспективы. М.: Айрис-пресс, 2003. 624с.
22. Durkheim Emil, Mauss Marcel. Note on the Notion of Civilization//Critical perspectives in the Social Sciences, 1971, № 4 (38). pp.808-813.
23. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior/ H. Tajfel, J.C. Turner// Psychology of intergroup relations/ 2nd ed. Chicago Nelson – Hall, 1985.pp.174-187.

The peculiarities of the national identity of Taiwanese

Yuliya A. Ishutina

PhD in culturology, docent,
associate professor at Chinese study department,
Eastern Institute – School of Regional and International studies,
Far Eastern Federal University,
690950, 8, Sukhanova str., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: ishutina.yua@dvfu.ru

Abstract

The article is devoted to the study some specifics of the national identity of the Taiwanese people from the standpoint of the conflict of civilizations. The intense processes of globalization and the

constant existential risks to which the national community in Taiwan is exposed form collective behavioral reactions that lead to the transformation of the mentality of the inhabitants of the insular part of China. Adherence to the normative principles of the three civilizations (Chinese, Western and Japanese), and the active formation of the symbolic space of the Republic of China, we consider as a way to overcome the crisis of national identity. The Taiwanese identity at times developed according to a protest type, when in the initial period of the arrival of a new wave of colonialists, the islanders swore allegiance to the previous one, for example, the Ming dynasty after the accession of the Qing, although during the Ming rule the Taiwanese population opposed it in the Taiwan Strait. The exodus of Chiang Kai-shek's army to Taiwan forced it to the path of modernization. The identity crises that the Taiwanese have to overcome are akin to the crises of Creole nationalism.

For citation

Ishutina Yu.A. (2020) O spetsifike natsional'noi identichnosti taivan'tsev [The peculiarities of the national identity of Taiwanese]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 10 (5A), pp. 188-197. DOI: 10.34670/AR.2020.41.58.026

Keywords

Civilizational structures, national identity, crises and trauma of identity, Greater China, Taiwan.

References

1. Anderson B. (2007) *Voobrazhayemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imaginary communities. Reflections on the origins and the spread of nationalism]. Moscow: KANON-press-C, Kuchkovo field Publ.
2. Burov V. (1998) *Modernizatsiya tayvan'skogo obshchestva* [Modernization of Taiwanese society]. Moscow: INFRA Publ.
3. Galenovich Yu. (2002) *Samoutverzheniye synovey Tayvanya* [The self-affirmation of the sons of Taiwan]. Moscow: Muravei Publ.
4. Weber M. (1985) *Sotsiologiya religii (tipy religioznykh soobshchestv)* [Sociology of religion (types of religious communities)] in *Works of M. Weber on the sociology of religion and ideology*. Moscow: INION RAN Publ, pp. 76-104.
5. Danilevsky N. Ya. (2013) *Rossiya i Yevropa* [Russia and Europe]. St. Petersburg: Lan Publ.
6. Dragunsky D. (2003) *Natsional'naya identichnost': infrastruktorno- institutsional'nyy podkhod* [National identity: infrastructural institutional approach]. *Problems of identity in modern Russia*. Moscow: Kennan Publ, pp. 63-68.
7. Zavidovskaya Ye. (2012) *Narodnaya religiya sovremennogo Tayvanya: khramovyye organizatsii i prazdniki* [Folk religion of modern Taiwan: temple organizations and holidays]. Saint-Petersburg: Nauka Publ.
8. Ionin L.G. (2004) *Sotsiologiya kul'tury* [Sociology of culture]. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics.
9. Ishutina Yu. (2006) *Formirovaniye i reprezentatsiya natsional'noy identichnosti tayvan'tsev* [Formation and Representation of the National Identity of Taiwanese] Vladivostok: FESTU.
10. Kreber A.L. (1999) *Stil' i tsivilizatsiya* [Style and civilization]. Moscow: Aspect press Publ, pp.81-82.
11. Li Tenghui. (2000) *Pozitsiya Tayvanya* [Taiwan's position]. Moscow: MSU Publ.
12. Malyavin V.V. *Uroki tayvan'skoy demokratii* [Lessons of Taiwanese democracy] . *Otechestvennyye zapiski*, 2007, no. 6 (39), pp. 197-213.
13. Meshcheryakov A.N. (2011) *Istoriya yaponskoy kul'tury* [History of Japanese culture]. Moscow: Natali Publ.
14. Morozov N.M. (2014) *Kontseptualizatsiya istoricheskogo znaniya o rossiyskoy tsivilizatsii na rubezhe XX-XXI vv* [Conceptualization of historical knowledge about Russian civilization at the turn of the XX-XXI centuries]. Kemerovo: Practice Publ.
15. Ruppert F. (2014) *Travma, svyaz' i semeynnyye rasstanovki. Ponyat' i istsetit' dushevnyye rany* [Trauma, communication and family constellations. Understand and heal mental wounds]. Moscow: Institute of counseling and family relations Publ.
16. Sorokin P. (1992) *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat Publ.
17. Taybey – chlen vsemirnnoy seti raduzhnykh gorodov [Taipei is a member of the global rainbow cities network]

-
- Tayvan'skaya panorama*. Available at: URL <https://taipanorama.tw/> [Accessed 01/11/20]
18. Toynbee A.J. (2003) *Postizhenii istorii: izbrannoye* [Comprehension of history]. Moscow: Airis-press Publ.
 19. Huntington S.P. (2011) *Stolknoveniye tsivilizatsiy* [Collision of Civilizations]. Moscow: AST Astrel Publ.
 20. Chen Jiawei (2017) *Demokraticeskaya progressivnaya partiya Tayvanya i postavtoritarnaya modernizatsiya* [Taiwan's Democratic Progressive Party and Post-Authoritarian Modernization]. St. Petersburg: Aletya Publ.
 21. Spengler O. (2003) *Zakat Yevropy: ocherki morfologii mirovoy istorii* [Decline of Europe: essays on the morphology of world history]. Vol.2. Moscow : Iris-press Publ.
 22. Durkheim Emil, Mauss Marcel. Note on the Notion of Civilization. *Critical perspectives in the Social Sciences*, 1971, № 4 (38). pp.808-813.
 23. Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior. *Psychology of intergroup relations*. Chicago Nelson – Hall, 1985.pp.174-187.